
УДК 130.1:7.038.6+159.064.2+396

Жеребкіна І. А.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ «ПОЛИТИК СОПРОТИВЛЕНИЯ» (ГЕНДЕРНОГО) СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

У статті проаналізовано проблематичність «політик опору» у новій політичній ситуації, коли «опір включено до логіки еквівалентності» (Ж. Рансьєр). Зроблено висновок, що в амбівалентній політичній ситуації пострадянського авторитаризму перспективною є теза про необхідність філософського мислення у ситуації політичної заборони на мислення у колишньому СРСР і необхідності нових практик політичного опору в умовах, коли концепт «крихкого життя» стає основним концептом сучасної політики.

Ключові слова: політика опору, ненасильницька етика, громада рівних, політичний естетиз, полемічні суб'єктивності.

The article analyzes the uncertainty of “politics of resistance” within a new political context, when “the protest is included in the logics of equivalency” (J. Rancière). As a result, the author concludes that in an ambivalent political situation of post-Soviet authoritarianism, a perspective thesis is the one on the necessity of philosophical thinking in the situation of political prohibition on thinking in the former USSR and necessity of new practices of political resistance in the conditions, when the concept of “precarious life” becomes the main concept of contemporary politics.

Key words: politics of resistance, non-violent ethics, community of the equal, political esthesis, polemic subjectivities.

Постановка проблемы в общем виде – невозможность «политик сопротивления» в новой политической ситуации, когда «протест включен в логику эквивалентности» (Ж. Рансьєр). **Анализ основных достижений и публикаций**, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, – теории «ненасильственной этики» Дж. Батлер и «сообщества равных»*, «политического эстетизиса» и «полемических субъективностей» Ж. Рансьєра**. **Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы** – неразработанность применимости философских теорий политик сопротивления Дж. Батлер и Ж. Рансьєра к постсоветской ситуации. **Цель статьи** – проанализировать возможности и препятствия сопротивления гендерного субъекта в современной культуре.

С помощью знаменитого альтюссеровского понятия интерпелляции – оклика субъекта властью, демонстрирующего специфику отношений взаимозависимости между ними – Джудит Батлер как один из ведущих современных философско-теоретиков и теоретиков гендерной теории субъекта в русле новых философских теорий субъективности и с учетом их новых теоретических парадоксов анализирует 1) особенности действия современных механизмов власти/культуры и 2) соответствующие им субъектные «политики сопротивления» (в основном на примере политик сопротивления гендерного субъекта существующим в обществе гендерным стереотипам и нормам).

Прежде всего ее целью является более глубокое, так называемое постфукианское понимание паноптической модели власти Фуко, которое она развивает 1) через понятие «идеологии» у Альтюссера и 2) собственное понятие «психики власти». В частности, она напоминает пример интерпелляции у Альтюссера, когда полицейский окликает прохожего «эй, ты там!» и кто-то из прохожих (она или он) откликается и оборачивается. В этом примере интерпелляции Батлер с помощью Альтюссера напоминает тезис о том, что власть не только подчиняет, но и производит откликающегося субъекта, который, строго говоря, не существует как субъект (она или он) до момента, пока ее / его не окликнут.

В то же время отличие Батлер от Альтюссера и Фуко и углубление механизма интерпелляции субъекта современной позднекапиталистической властью состоит в том, что она вскрывает механизм ее действия даже в той так называемой либеральной / нелиберальной ситуации, когда та / тот, кого окликают по имени, оборачивается только для того, чтобы выразить свою негативную реакцию на обращение к ней / нему, которую она / он воспринимает как оскорбительное для своей личности, или даже для того, чтобы опротестовать оклик власти: «Нет, это не я, вы, наверное, ошиблись!». Поскольку в этой ситуации протеста или отказа от действия власти (гендерный) субъект, тем не менее, *психически* реагирует на нее, то основным фиксируемым Батлер парадоксом субъектного подчинения оказывается то, что (гендерный) субъект захвачен властью даже в ситуации *активного отказа* от навязываемой ею идентификации, что скрывает еще более парадоксальную в терминах Батлер ситуацию захваченности (гендерного) субъекта властью: оказывается, интерпелляция функционирует, даже если никто не оборачивается и никто не кричит «эй, ты там!», то есть не только тогда, когда 1) «место власти пусто» (по образному определению Фуко), но и тогда, когда 2) власть вообще *игнорирует* наличие субъекта.

Таким образом, тезис Батлер состоит в том, что она отказывается, в отличие от классического феминизма, понимать (гендерную) идентичность как «уникальную» структуру и поэтому на уровне политического действия (вслед за Альтюссером и Фуко) трактует ее в зависимости от действия эффектов власти – сил подавления и сопротивления, их стабильности или вариабельности. Можно утверждать, что в своем анализе производства (гендерной) субъективности Батлер проблематизирует ту риторику равенства и тезиса о равных возможностях социализации женского / гендерного субъекта в культуре, которыми на протяжении последних тридцати лет пользовалась классическая западная феминистская теория. С одной стороны, Батлер с помощью понятия перформативной гендерной субъективности деконструирует ее, с другой – вопреки традиционной эмансипационной феминистской риторике напоминает о логических и политических механизмах *исключения* в процессе гендерной идентификации субъекта в регуляторных практиках социальной жизни и гендерного воспроизводства субъективности.

Отсюда Батлер формулирует свой знаменитый, вызвавший столько возмущения со стороны классических феминистских теоретиков парадокс гендерной субъективации в современной культуре – субъект, сопротивляющийся определенным

социальным (в том числе гендерным) нормам, в то же время не является внешним по отношению к власти и, напротив, имманентен ей в своих артикуляциях [1, с. 219].

Итак, ответы Батлер на вопросы о новых, в том числе гендерно маркированных теориях субъекта в современной культуре носят амбивалентный характер: с одной стороны, именно ей принадлежит, возможно, самый знаменитый в современной философии, пришедший на смену прошлым проект субъективации как перформативности (как попытки избежать не только традиционных феминистских, но и традиционных гендерных идентификаций власти), который она переносит и на уровень практического, политического действия в современной американской культуре (например, в виде теоретика-активиста она поддерживает права нелегальных эмигрантов в США, входит, будучи еврейкой, в Совет факультета израильско-палестинского мира в противовес официальной политике США, поддерживающей израильскую политику и т. п.); с другой стороны, этот проект новой (гендерной) субъективации одновременно вскрывает еще более тонкие по сравнению с анализом ее философских предшественников механизмы власти как в современных обществах, так и в структуре субъекта.

Однако основным выводом Батлер о деконструкции и перформативном характере (гендерной) субъективации в современной гендерной теории все-таки является вывод о том, что новые стратегии политической власти не только не парализуют политическое значение современных (гендерных) типов субъективации, но, напротив, способны расширить возможности их политического применения в новых проектах субъективации в культуре [1, с. 233]. Стоит обратить специальное теоретическое внимание, что этот тезис формулируется Батлер в ситуации, когда она сама активно сопротивляется так называемому «возвращению к этике» в современной философии и философской антропологии, так как беспокоится, что 1) так называемый «этический поворот» в философии и философской антропологии как реакция на новые милитаристские политические режимы повлечет за собой простое исключение из политики и 2) вызовет распространение тривиального «морализма» как трюизмов так называемой «идеологии морального большинства». Тем не менее, в ситуации после 11 сентября 2001 года в новых политических условиях, когда, по словам Батлер, решается, «чьи жизни могут быть маркированы как жизни и чьи смерти будут считаться смертями» и когда «радикальная самодостаточность» и суверенность (в том числе в форме «национальной суверенности») подорваны глобальными процессами, когда традиционные характеристики «демократического» субъекта («самодостаточность и суверенность») оказываются всего лишь частью глобальных, она ищет теоретические пути к тому, что можно назвать «этической ответственностью», учитывая при этом – на основе концепций Фуко, Левинаса и Адорно – в своих последних книгах («Хрупкая жизнь. Силы скорби и насилия, 2004 [3]; «Отдавая отчет о себе», 2005 [2]), что повторяющийся вопрос о другом «Кто ты есть?» задается, тем не менее, без надежды на заключительный ответ: мы никогда не будем способны понять другого.

На основе переосмысления теоретического наследия вышеназванных авторов Батлер постулирует в кожевски-гегелевском на первый взгляд духе, что субъект

всегда зависит от «признания другого»: «с самого начала мы этически имплицированы в жизни других»». А поскольку все «человеческое» сконструировано через интерсубъективные связи с «другим», этику, тем не менее, она понимает все-таки как подтверждение границ самодостаточности и самознания, хотя и в условиях их практической социальной и политической необеспеченности.

В то же время этот логический ход отнюдь не подтверждает традиционную концепцию этики, так как субъект в философской теории Батлер вообще сконструирован так, что неизбежно определяет «себя» *против* 1) других субъектов и 2) существующего режима власти через процессы, включающие а) «потерю» и б) «меланхолию» (меланхолийный субъект в ее определении амбивалентным образом для классической этики предполагает свою социальную идентичность скорее *внутри*, чем *вне* существующих структур власти).

В этой амбивалентной новой теоретической и политической философской ситуации Батлер вновь обращается к Фуко – однако теперь к его поздним работам, которые она относит к его последним теоретическим практикам «отдавания отчета о себе». Когда Фуко в каком-то интервью, по ее словам, «дает отчет себе», он говорит, что *не знает* причин того, почему он в молодости читал, например, Ницше. Вернее, он дает неожиданно простой, по мнению Батлер, ответ – потому, что его читали *другие* (Батай и Бланшо). То есть в акте «отдавания отчета о себе» поздний, признанный и известный философский классик Мишель Фуко не идентифицирует себя как основополагающего («самодостаточного и суверенного») субъекта, но как субъекта «с историей», связанной с «другими» [2, с. 117]. Более того, он опять же очень просто, по мнению Батлер, признает, что и его собственная саморефлексивность инициирована «другими» и что только дискурс какого-либо другого вводит субъекта в состояние саморефлексии [2, с. 125]. Именно поэтому – в противоположность другим современным интерпретаторам Фуко – Батлер находит, что поздние фукианские саморефлексивность, «забота о себе» и само-управление – это всегда открытые и *неудовлетворительные* усилия «возвратиться» к «себе» из ситуация бытия чуждым самому себе.

Парадоксально, – пишет она, – но ведь «я» всегда – по аналогии с последними жизненными практиками Фуко – становлюсь еще более не обладающим в собственной репрезентации, и именно в этом не-обладании и возникает, по мнению Батлер, новое этическое измерение, в котором оказывается, что ни одно «я» не принадлежит «себе» [2, с. 132]. Поэтому в ее определение понятия «давать отчет о самом себе» входит коннотация того, *какой ценой* дается любое политическое «действие» (если использовать столь знаменитую в современной философии риторику действия Алена Бадью, Антонио Негри и Майкла Хардта и др.). Эта цена, по мнению Батлер, определяется / возникает не только потому, что «я», которое я презентую, не может презентовать многие из условий своей собственной формации, но потому, что «я», которое присоединяется к собственной наррации о себе, не может понять многие измерения «себя» (социальные параметры адресации, нормы, через которые «я» становится интеллигибельным, ненарративные или даже неговоримые измерения бессознательного и т. п.) [2, с. 135]. Именно поэтому столь значимым

теоретическим вопросом для Батлер и становится, как уже было сказано, вопрос о том, «как мы сформированы внутри социальной жизни и *какой ценой?*» [2, с. 136].

В этой теоретической ситуации нового политического контекста Батлер достаточно неожиданно развивает свою раннюю концепцию «меланхолийного гендера» как концепцию интерсубъективности – через психоаналитическое понятие «потери» как потери «себя» через признание желания к «другому», осуществляя тем самым постгегелевскую ревизию сцены 1) желания и 2) признания как нового *этического* проекта. Новый этический проект постгегелевского «признания» как *потери самосвязности и самоидентичности* подразумевает, по мнению Батлер, что «другой» не должен быть преодолен ради «я», означая позволение другому жить (концепт «хрупкая жизнь») в его альтернативности. Быть связанным с тем, что «не есть я», означает, по Батлер, что этика сегодня не должна больше оставаться на уровне риторики, но стать теорией ответственности – то есть, повторим еще раз, философским / логическим вопросом о том, «*какой ценой*» сформировано наше «я» («Отдавая отчет о себе», 2005). Только тогда, по выражению Батлер, даже если мы и не будем ответственными, то хотя бы будем прощенными.

В целом можно сделать предварительный вывод, что на примере активно и достаточно неожиданно развивающегося философского творчества Дж. Батлер деконструкция таких традиционных понятий классической феминистской теории, как пол и гендер, а также критерии действия и перформативности внутри структуры гендерно-маркированной субъективности позволяют современным гендерным теоретикам не только избежать биологических или эссенциалистских редукций в гендерной теории субъекта, но и на примере новых трактовок субъективности в гендерной теории задать новое направление в развитии концепции субъекта в современной философии и философской антропологии в целом.

Например, по аналогии с Батлер другой выдающийся философ современности Жак Рансьер в новой политической ситуации, когда «протест включен в логику эквивалентности», также размышляет сегодня о новых политиках сопротивления, полемизируя при этом, в частности, с теоретиком феминистского искусства Мартой Рослер (чьи знаменитые коллажи *Bringing war home*, которые гетерогенно смешивали ужасы войны во Вьетнаме с жизнью буржуа и которые действительно в свое время сыграли роль средства повышения политического сознания). Так же, как и Батлер, он критикует риторический, в терминах логики морального большинства «этический поворот» в современной философии и философской антропологии как *неразличимость* 1) «факта» и 2) «закона», то есть того 1) «что есть» и того 2) «что должно быть» (который он называет «новой драматургией бесконечного зла, бесконечного правосудия и бесконечного возмещения» и который обеспечивает, по его мнению, новый жестокий облик насилия, призванного в «гуманистической» форме ликвидировать все то, что не отвечает *утопической* категории «должного»).

Потому вместо риторического «этического поворота» как логики сопротивления Рансьер предлагает практики субъективизации, которые он называет «политическим *эстетисмом*» – обнаружить общую «нетождественность осязаемого самому себе». В этом контексте он вводит специальное понятие новых политических субъектов –

«полюемических субъектов» или «полюемических идентичностей». Их особенность, по его мнению, состоит в том, что «высказывающийся субъект» (например, «мы») отделен от «субъекта высказывания (например, «народ», «рабочие», «женщины» и т. п.). В результате субъективизация в его понимании – это «отношение диссоциированной идентичности между 1) высказывающимся субъектом и 2) субъектом обозначенным**», но только такой субъект может быть новым политическим субъектом, базированном не на традиционном понятии либерального политического «консенсуса», а на новом понятии политического «диссенсуса». В этом контексте Рансьер обращает внимание на тот политический факт практик сопротивления, что всегда, когда говорят «мы – народ» (в нашем случае, например, «мы – женщины»), в это никто не верит, как не верят и сами высказывающиеся, но таков сегодня *единственный* способ сказать правительству, что «народ» (или «женщины») – это *не то*, чем вы управляете.

По мнению Рансьера, политическая субъективизация наступает тогда, когда происходит «реорганизация самой области данного, оощуаемого, духовного и, значит, возможного», а вместо «консолидации» политическая субъективность оформляет самое себя как диссенсус.

В результате он переопределяет:

1) понятие социальных движений (благодаря которым, по его словам, на горизонте современной политики вновь появляется определяющий для политики момент *равенства*) как «групп особой чувствительности», в которых действуют 1) индивиды и 2) группы, узнающие друг в друге «*своих*», но не формирующие силу, которая обобщала бы несправедливость;

2) субъекта как неконституируемого (например, иммигранта и т. п.) – не как того, кто имеет отношение к несправедливости, но как «полюемическую идентичность», базирующуюся на диссенсусе и имеющую «свой собственный голос».

Результатом рансьеровских принципов «политического эстетиса», например, классовая борьба (как конфликт, несогласие, диссенсус «полюемических идентичностей») может стать не просто неприкрытой, несимволизируемой ненавистью к Другому (потому что на самом деле в таком традиционном случае нет никакой «политики» как «полюемики», а есть негативная идентичность: «иммигрант, чернокожий, араб, явно Другой»), но формой политической субъективации, когда полюемическая субъективность через этот конфликт (а не просто посредством «укрощения» и «воспитания») может упорядочивать формы совместного существования в обществе «идентичности и инаковости».

Потому задача новых политик сопротивления, по Рансьеру, вполне согласуется с новыми политическими вызовами гендерной теории субъекта Джудит Батлер – вернуть философскому мышлению «*нечистоту, двусмысленность, ненадежные и спорные разрывы*», или, говоря словами Рансьера, избавиться в современной философии от всякого философского бинаризма об 1) исходной травме и 2) грядущем спасении, которые когда-то так активно использовали все тоталитарные режимы и перед угрозой которых мы – как философские или гендерные субъекты – неожиданно обнаруживаем себя вновь. Отсюда философский постулат о необходимости

«виртуозностей различного рода»: способностей менять места и идентичности (чтобы пробиться сквозь распределение мест), перегруппировок с целью произвести новую конфигурацию возможного, осуществляя политические возможности *любого / каждого*.

Однако основной проблемой постсоветской ситуации, для которой в новых авторитарных политических режимах особенно актуальной оказывается философская и практическая задача прав человека и «политик сопротивления», является отказ от 1) применения новых западных концепций альтернативного понимания политики и 2) альтернативных политик сопротивления.

Выводы данного исследования и **перспективы** дальнейших исследований в данном направлении: в амбивалентной политической ситуации постсоветского авторитаризма перспективным, на наш взгляд, является тезис о необходимости философского мышления в ситуации *политического запрета на мышление* в бывшем СССР и необходимости новых практик политического сопротивления в условиях, когда концепт «хрупкой жизни» становится основным концептом современной политики.

Примечания:

* См. работы Дж. Батлер: *Butler J. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex»*. – N. Y. & L., 1993; *Butler J. Giving Account of Oneself*. – N. Y., 2005; *Butler J. Precarious Life. The Powers of Mourning and Violence*. – L. and N. Y., 2004

** См. работы: *Рансьер Ж. На краю политического*. – М., 2006; *Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное*. – СПб, М., 2004; *Рансьер Ж. Этический поворот в эстетике и политике // Критическая масса*. – № 2. – 2005; *Рансьер Ж. Демократия как политическая форма // Политика. Философия. Искусство*. – М., 2003; *Ranciere J. The Politics of Aesthetics. The Distribution of the Sensible*. – L. & N. Y., 2004 и др.

*** В этом смысле Рансьер очень радикально предлагает отказать какой-либо категории (например, трудящимся или *женщинам*) в возможности быть политическими субъектами, потому что последние, в частности, принадлежат к «домашнему» пространству, откуда могут доноситься лишь стоны и крики, выражающие страдание, и не могут быть «полемическими субъективностями» диссенсуса.

Литература:

1. *Butler J. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex»*. – N. Y. & L., 1993.
2. *Butler J. Giving Account of Oneself*. – N. Y., 2005.
3. *Butler J. Precarious Life. The Powers of Mourning and Violence*. – L. and N. Y., 2004.